

C ПОРЫ О РЕАЛИЗМЕ¹

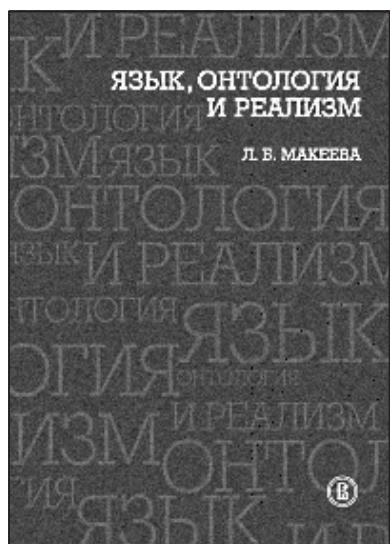
(Рецензия на книгу Л.Б. Макеевой «Язык, онтология и реализм»
(М., 2011))

В.А. ЛАДОВ

Своеобразие традиции аналитической философии состоит в том, что ее представители, как правило, опирались в своих исследованиях на материалы, разработки и достижения конкретных научных дисциплин – лингвистики, логики, математики, физики. В виду этого обстоятельства аналитические философы в своих работах нередко обращались к дотошному анализу столь тонких, специальных, технических вопросов, что порой их исследования уже невозможно было отличить от чисто научных. Специфика именно философского анализа, философского интереса к обсуждаемым проблемам либо отходила в таких работах на второй план, либо вообще терялась из виду.

Между тем, философия продолжает оставаться таким проявле-

нием рациональной деятельности, в рамках которого ставятся наиболее общие, предельные вопросы о человеке, о мире, который его окружает, о познании этого мира. При этом онтологический вопрос

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 10-06-00039-а), Совета по грантам Президента РФ (грант № МД-1685.2010.6) и РГНФ (грант № 11-03-00039-а).

В.А. ЛАДОВ

является здесь наиболее фундаментальным. Любое эпистемологическое или антропологическое исследование так или иначе предполагает ответ на главный онтологический вопрос: «Что есть?», который определяет существо философии.

В свете сказанного новую книгу Л.Б. Макеевой можно только приветствовать. Будучи специалистом в области истории аналитической философии, Макеева сосредотачивает свой интерес именно на рассмотрении онтологических импликаций и следствий разнообразных семантических проектов, разработанных в рамках аналитической традиции. Думается, что как раз такой акцент рассмотрения является наиболее выгодным для представления истории аналитической философии, поскольку подчеркивает для читателя фундаментальность и философскую значимость обсуждаемых в ее рамках проблем.

Многие известные аналитические философы нередко радикальным образом трансформировали свои концепции в ходе их разработки. Поэтому задача реконструкции генезиса их взглядов является сложной и актуальной. В связи с этим можно утверждать, что для человека, интересующегося аналитической традицией, будет по-настоящему увлекательным следить за тщательной экспликацией развития взглядов философов-аналитиков, которая представлена в книге Макеевой.

К наиболее удачным исследовательским результатам данной работы, на наш взгляд, можно отнести следующие. Подробно и квалифицировано изложен генезис логи-

ческих, онтологических и эпистемологических взглядов Б. Рассела. Исходя из имеющегося в книге материала можно сформулировать вполне определенную оценку исследований Р. Карнапа, что не всегда удавалось на основании прочтения работ иных интерпретаторов.

Думается, что Макеева смогла представить одно из самых ясных изложений основных философских идей У. Куайна на русском языке. Очень хорошо прояснена связь куайновской идеи онтологического обязательства и расселовской теории дескрипций. Кроме того, автор дает, на наш взгляд, справедливую оценку неоднозначности онтологической позиции Куайна, называя его реализм парадоксальным².

Наконец-то на русском что называется «зазвучал» П. Стросон. В изложении Макеевой исследовательская позиция этого оксфордского философа выглядит одновременно и прозрачной, и софистичной (в положительном смысле), включая многие интересные идеи. Например, обращает на себя внимание аргументация Стросона в пользу существования иных субъектов опыта. Он ссылается на то, что в обыденном языке психологические предикаты имеют общее применение и философ в данном случае должен просто следовать обыденному словоупотреблению и здравому смыслу. Эта позиция интересна тем, что она противоположна широко известным взглядам позднего Л. Витгенштейна. С точки зрения последнего, сама грамматика предложений, содержащих психологические термины, такова, что их бессмысленно использовать

² Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М., 2011. С. 110.

СПОРЫ О РЕАЛИЗМЕ

по отношению к другим. Говорить «Я чувствую мою боль» нет смысла, ибо употребление слова «боль» в языке таково, что его значение – болевое ощущение – не может быть чим-то еще³.

Относительно изложения концептуальных разработок Д. Дэвидсона стоит отметить, что Макеева переводит известный дэвидсоновский the Principle of Charity как принцип доверия (а не милосердия и т.п., как это иногда делается), закрепляя таким образом именно данный термин в русскоязычной литературе. Этот шаг представляется оправданным, поскольку в русском слове «милосердие» отчетливо звучит этический компонент, которого у Дэвидсона нет.

Конечно, впечатляет скрупулезный анализ генезиса исследовательской позиции М. Даммита – авторитетного оксфордского аналитического философа последних десятилетий, идеи которого русскоязычному читателю по-прежнему мало известны. И в этом отношении историко-философский анализ, проведенный Макеевой, особенно актуален.

Разработать классификацию по онтологическому основанию – задача очень не простая, ибо многие философи-аналитики допускают по отношению к своим концепциям неоднозначные трактовки и оценки. Автор книги пытается прорваться сквозь частокол порой разнонаправленных аргументов, выстроить их последовательно и в конце концов дать позиции фило-

софа ту или иную оценку в свете своего главного интереса – онтологических импликаций той или иной семантической концепции. Не всегда получается сделать это удачно из-за сложности материала.

Так, Г. Фреге характеризуется как реалист в традиционном смысле или как представитель математического платонизма⁴, но чуть позже (С. 29) Л.Б. Макеева пишет, что «Фреге, вслед за Дж. С. Миллем, устранил “ментального посредника” в отношении между словом и объектом, создав “референциальную” или “денотативную” семантику». Однако сомнительно, чтобы денотативная семантика, да еще иозвучная явно натуралистическим идеям Милля, содержала бы в качестве своих онтологических импликаций платонизм. Дальнейшее изложение еще больше запутывает ситуацию. На с. 33 автор говорит о том, что Б. Рассел отказался от взглядов Фреге и принял ту теорию значения, которую принято называть денотативной. Если Фреге создал денотативную семантику, то как мог Рассел, отказавшись от семантической теории Фреге, тоже развивать денотативную семантику? Очевидно, что здесь требуется и более тщательная классификация, и более аккуратное использование терминологии.

На с. 62, характеризуя онтологическую позицию раннего Л. Витгенштейна, Макеева пишет: «Очевидно, что реальность, о которой говорит Витгенштейн, не является

³ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы. М., 1994. § 253; Hacker P.M.S. Wittgenstein: Meaning and Mind // Philosophical Investigations. Vol. 3 of an Analytical Commentary. Part I: Essays. Oxford, 1993. P. 49.

⁴ Макеева Л.Б. Указ. соч. С. 22.

В.А. ЛАДОВ

независимой от субъекта», далее следует параллель с И. Кантом. Есть сомнение в том, что витгенштейновская идея изоморфизма языка и реальности подобна эпистемологической позиции Канта. С точки зрения последнего, реальность всегда трансформируется в соответствии со структурами познания него. Реальность подстраивается под субъекта, вращается вокруг субъекта. Это явный субъективизм. Идея изоморфизма все же иная. «Трактат» представляет своеобразный онтологический нейтральный монизм. Нельзя сказать, что реальность подстраивается под субъекта, нельзя сказать, что субъект подстраивается под реальность. Здесь ничто не занимает доминирующую позицию. Язык и реальность – одно целое.

И еще о Витгенштейне, точнее, о его отсутствии. Идея значения как употребления обсуждается в тексте на примере теорий У. Куайна и П. Стросона. Это, конечно, свидетельствует об оригинальности авторского анализа. Макеева выбирает весьма нетривиальный путь: в обход позднего Витгенштейна, который, как известно, активно развивал идею значения как употребления, идет подробное обсуждение Стросона. Меньше Кембриджа, больше Оксфорда – можно так охарактеризовать специфику изложения материала по данной теме. И все же кажется весьма странным, что философии позднего Витгенштейна, которая по общему признанию оказала решающее влияние на формирование облика аналитической философии второй половины XX в., не уделяется отдельной главы.

С трудом дается автору книги интерпретация Дэвидсона. Снача-

ла Макеева характеризует его как реалиста, разделяющего корреспондентную теорию истины, указывая (С. 163), что важной составляющей принципа доверия является не только то, что агент и реципиент речи должны иметь по преимуществу одни и те же убеждения, но и то, что эти убеждения должны быть по преимуществу истинными (т.е. соответствующими реальности, если трактовать Т-предложения Тарского, которые Дэвидсон использует в своей теории интерпретации, в духе корреспондентной теории истины). Однако ниже автор книги отмечает, что «Т-предложения, задающие условия истинности для предложений, не предполагают существования фактов (они содержат два предложения, одно из которых является интерпретацией другого)» (С. 173), тем самым демонстрируя, что определение истины Тарского может быть прочитано не в опоре на корреспондентную теорию, а исходя из определенного вида дефляционистских представлений. Предикат истины исходя из такой интерпретации не связывает язык и реальность, но представляет собой определенную техническую цепочку языка и метаязыка, одного языка и другого без какой-либо ссылки на реальность. На основании такой интерпретации Тарского, конечно же, уже по-другому будут выглядеть онтологические следствия дэвидсоновской семантической теории. Впрочем, Макеева верно отмечает (с. 177), что на подобные диаметрально противоположные трактовки данной онтологической позиции провоцирует сам Дэвидсон, который постоянно колеблется между корреспондентной (классической реалистской)

СПОРЫ О РЕАЛИЗМЕ

теорией истины и эпистемической или когерентной теориями, имеющими явные субъективистские и релятивистские черты. Реконструкция дэвидсоновской теории лишний раз показывает, сколь нелегко решить намеченную в работе задачу – попытаться задать определенную классификацию онтологических позиций различных семантических проектов в рамках аналитической философии.

Подводя итог осуществленному в первой части книги исследованию по экспликации конкретных семантических концепций философов-аналитиков, Макеева решается сделать выводы общего характера, позволяющие увидеть каждую отдельную концепцию в рамках общей классификации, проведенной по онтологическому основанию. И здесь, нужно сказать, позиция Л.Б. Макеевой вызывает некоторое смущение. Призывая на помощь кантовское различие эмпирического и трансцендентального реализма (С. 199), автор книги готова назвать реалистом любого из рассмотренных философов. Ранний Витгенштейн, к примеру, насколько это можно понять из формулировок, оказывается эмпирическим реалистом, поскольку он говорит о реальности не самой по себе, а лишь о той, которая является коррелятивной логической структуре языка субъекта. Куайн и Дэвидсон – трансцендентальные реалисты, они признают существование объективной реальности, однако, как отмечает автор, платят за это немалую цену в виде тезиса о непостижимости референции. Кажется, что столь неограниченное применение термина все же не способствует ясному пониманию ситуации. Если термин распространяется

на любые, порой диаметрально противоположные представления, то он затирается, значение его нивелируется. Если любого можно назвать реалистом, то никто реалистом и не является, ибо уже не понятно, что это значит. Думается, при осуществлении попыток классификации аналитических концепций по онтологическому основанию нужно все же удерживать себя от порождения излишней омонимии, связанной с термином «реализм». Возможно, более продуктивным окажется все-таки введение категориальных оппозиций, таких, как реализм/антиреализм, реализм/нереализм, реализм/релятивизм (чего, кстати, автор текста, как кажется, намеренно избегает в первой части книги). Введение оппозиций позволит, с одной стороны, заострить различия в рассматриваемых концепциях, с другой – четче сформулировать границы реалистских взглядов.

Так, представляется все же слишком континуитивным, чтобы философа, утверждающего тезис о непостижимости референции, можно было считать реалистом. Видимо, эпистемологический аспект исследования все же никак нельзя отрывать от онтологического. Реалист должен не просто утверждать существование объективной реальности, но и допускать, по крайней мере отчасти, возможность ее познания. Исходя из такой простой и классической трактовки реализма, включающего в себя онтологический и эпистемологический аспекты и опирающегося в этих аспектах на корреспондентную теорию истины, ни Карнап, ни Куайн, ни Дэвидсон (если теорию Тарского интерпретировать в дефляционистском духе), ни

Новые книги

В.А. ЛАДОВ

поздний Патнэм, ни Даммит (впрочем, он и не претендует) реалистами уже не будут. Из рассмотренных в книге мыслителей к реалистам тогда можно будет однозначно причислить лишь Фреге и Рассела, отчасти раннего Витгенштейна, возможно, Стросона (если сделать акцент на его философии здравого смысла, не принимая во внимание кантианские мотивы).

Впрочем, то, что желание сделать формулировку реалистской позиции более простой и ясной является в определенной степени наивным и что здесь на самом деле ни в коей мере не стоит ожидать лег-

ких путей для исследователя, Макеева отлично демонстрирует во второй части книги, где на основании даммитовских разработок подробно анализируются различные аспекты понимания реалистской позиции в отношении к самым разнообразным философским темам – от философии математики до этики. И в этом смысле книга Л.Б. Макеевой, конечно же, поможет тем отечественным исследователям, кто обращается или решит обратиться к онтологической проблематике в аналитической философии, сделать свои рассуждения более обоснованными и зрелыми.